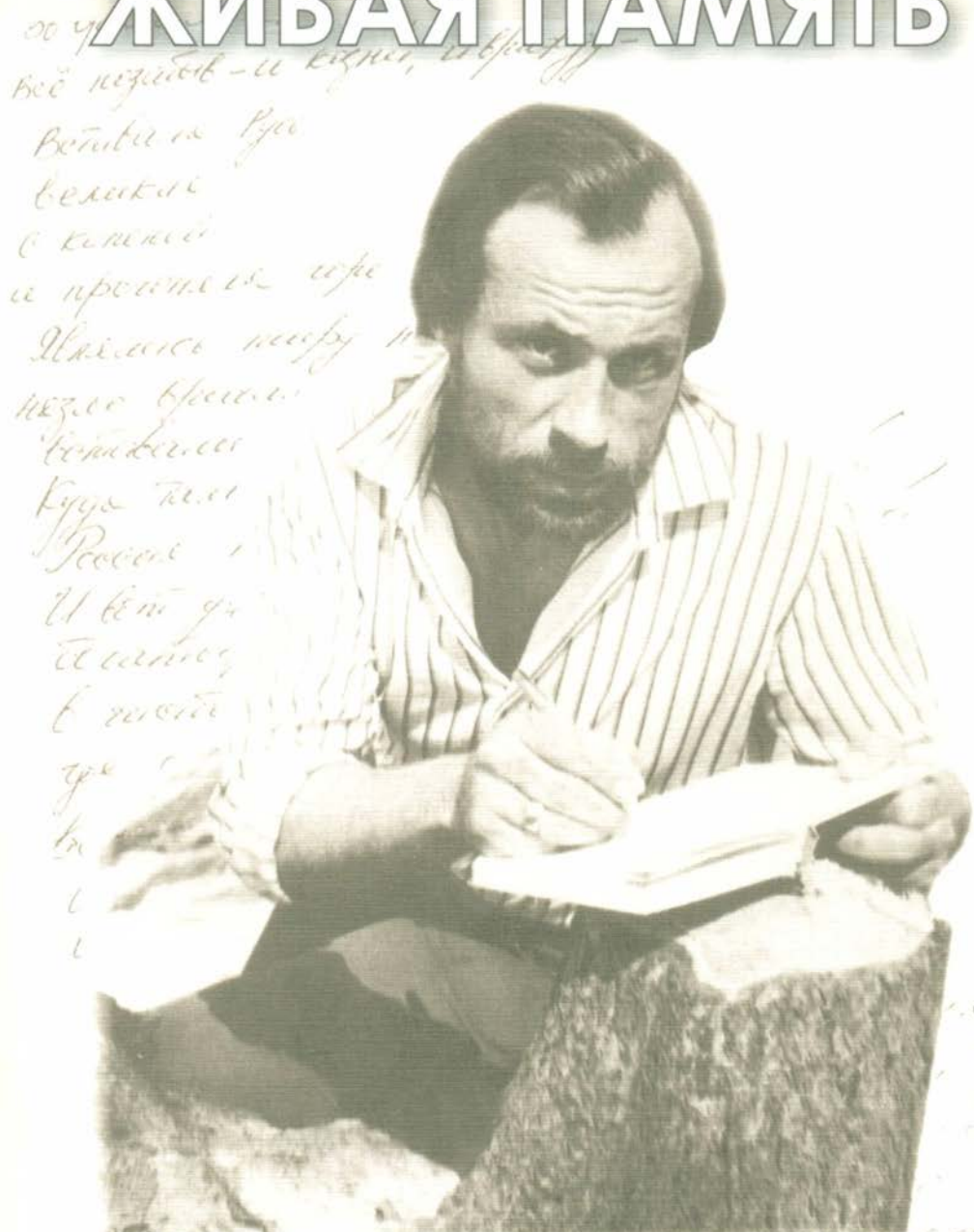

К83.3(2=411,2)6-8

ЖГ66

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Пётр СУХАНОВ

С Е Р И Я

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Администрация города Сургута

Пётр СУХАНОВ

9000856217

Б/Н

кр.

Сургут
2012

УДК 821.161.1-1(092) Суханов
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Суханов
С91

Издание подготовлено по заказу
Администрации города Сургута

Ответственная за выпуск Е.А. Швидкая

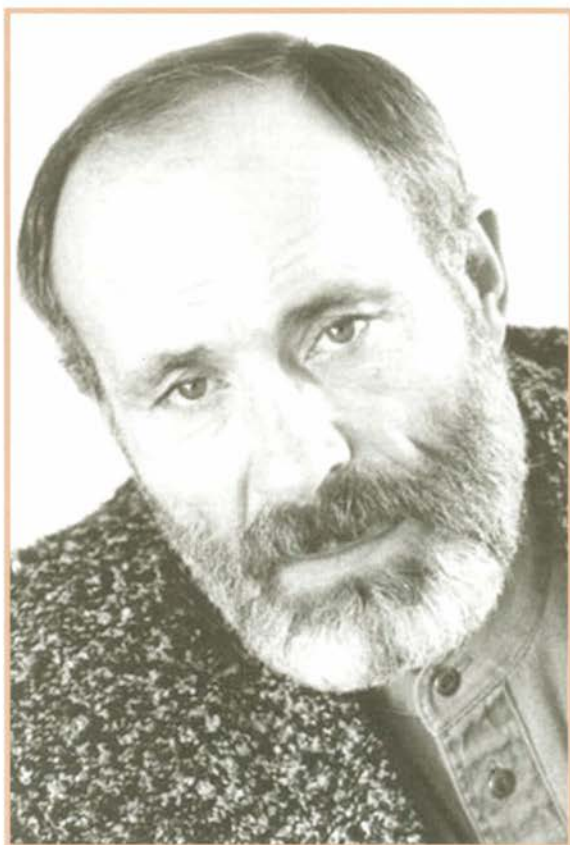
Автор-составитель А. Давыдова

С91 **Пётр Суханов** / Администрация города Сургута ; Фонд «Словесность». – Сургут ; Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2012. – 32 с. – (Живая память).

Издание посвящено сургутскому поэту Петру Антоновичу Суханову – члену Союза писателей России (1988), лауреату премии им. Н. Чукмалдина тюменского издательства «СофтДизайн» (1995), премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы (2001), Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2005).

ISBN 978-5-8042-0266-9

© Администрация города Сургута, 2012
© ООО «Омскбланкиздат», 2012

«Да, не лечит Время! Просто оно, переваливаясь из часа в час, изо дня в день, из года в год, незаметно стирает углы, отдаляет радость, грусть и боль. Словно добрый доктор делает вам «местный наркоз», и вы, очнувшись, более всего обеспокоены днём насущным и невольно вычёркиваете из календаря минувший... Иначе не может быть, поскольку над всем нашим подлунным миром безраздельно властвуют законы движения! Но оттого, вероятно, и считается человек человеком, что в нём заложено Природой и Космосом великое Чувство, могущее подчинить даже само Время. И чувство это – Память».

Пётр Суханов

ИЗ БИОГРАФИИ

Суханов Пётр Антонович (1947–2008)

Поэт. Родился 18 февраля 1947 года в городе Елгава Латвийской ССР. Стихи начал писать со школьных лет. Окончил строительный техникум. Попал в Сургут по рабочему вызову. Работал мастером, водителем большегрузной машины. Много печатается в периодике Тюменской области. В 1977 году Суханов был приглашен на областной семинар молодых литераторов (г. Тюмень). И сразу – дебют в столичных журналах «Смена» и «Молодая гвардия». Поэта записывают радиостанции «Юность», «Маяк», телевидение. Он становится участником VII и VIII Всесоюзных совещаний молодых писателей в Москве.

В 1979 году Пётр Суханов поступает в Литературный институт им. А.М. Горького, который окончил в 1993 году. В это время в издательстве выходит сборник стихов «Время первых признаний» (1982). Через два года в Свердловске выходит второй – «Встреча» (1984), по которой автор и защищает диплом. В 1986 году в издательстве «Современник» издается третья книга «Миры и меры» (1986). В конце 1995 года вышла книга «Площадь света» (1995), за которую Пётр Суханов был удостоен 1-й премии им. Н. Чукмалдина в 1996 году, а Тюменская писательская организация выдвинула «Площадь света» на соискание Всероссийской премии им. Петра Ершова. В 1997 году вышла следующая книга «Высшая мера». Его стихи печатались в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Студенческий меридиан», «Урал», «Югра», в коллективных сборниках и альманахах

«Родник» (1980), «Самотлор» (1982), «Тверской бульвар, 25» (1983), «Эринтур» (1997, 1999, 2002, 2007, 2010), «Там, где Иртыш обнимается с Обью» (2010), в антологии «Литература Югры: 1930–2000. Кн. 1» (2001), в хрестоматиях «Литература Тюменского края. Кн. 1, 3» (1996), «Современная литература Югры» (2008) и других. Потом вышли «Завороть» (2001) и «Разнолетья» (2003). Басни для взрослых «В мире животных» (Екатеринбург, 1998), сказки для взрослых «Про Колобка и красавицу Бабу Ягу» (Тюмень, 1999).

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

№ 13
1982

Пётр
Суханов

Время
первых
признаний
Стихи

Москва
«Молодая гвардия»
1982

ПОЭТ ВСЕРОССИЙСКОГО МАСШТАБА

Анжелика Давыдова, член Союза журналистов России

У него даже фамилия начинается на ту же букву, что и город, ставший для него родным. Сургут – Суханов – эта связь воспринимается горожанами как нечто естественное и вместе с тем необычное. Поэт, приехав в Сургут, настолько проникся духом северного города, что никогда не думал уезжать из него. На «большую землю», как многих, его не тянуло. Сургут стал городом его мечты и жизни. Лучшее всего сказал об этом сам Суханов строками своих стихотворений: «Я вошёл в этот город, как входят в Мечту», «... Я к миру присургучен!», «... Не мыслю свой век без Сургута!».

Сургутяне, чувствуя мощь этого нерасторжимого союза, в день рождения Петра Антоновича – 18 февраля – учредили День поэта. Произошло это в честь его 65-летия, которое поэт отметил бы в 2012 году. Приехавший на праздник поэзии сопредседатель правления Союза писателей России Александр Кердан, отметил, что Сургут, учредив такой день, опередил литературную общественность страны, которая мечтает о всероссийском Дне поэта уже давно.

К этому дню сургутский фонд «Словесность» при поддержке городской администрации подготовил к изданию сборник избранных стихов Суханова. На презентации книги в центральной городской библиотеке председатель фонда Николай Ганущак отметил: «К сожалению, жизнь поэта в России начинается после его смерти. Осмысление значимости, величия его творчества практически всегда происходит с того момента, когда душа поэта взирает на этот мир с высоты небес. Конечно же, после ухода творца остаётся его творчество. Этим он и жив в памяти людей. Сургут и сургутяне, учреждая День поэта в честь Петра Суханова, отдают тем самым ему дань памяти на века».

Томик стихов земляка был разобран сургутянами на презентации, что называется, в мгновение ока. Это уникальное посмертное издание, стало десятым по счёту авторским сборником поэта. Наряду с широко известными

в него вошли и неопубликованные стихотворения Петра Антоновича. Примечательно, что в подготовке избранного принимала самое активное участие дочь поэта – Снежана Суханова.

Большим подарком для близких Суханова, его друзей и горожан стал спектакль «Я... счастлив тем, что счастлив быть!..», в постановке директора Сургутского музыкально-драматического театра Тамары Лычкатой. Премьера состоялась в театре при полном аншлаге в день рождения поэта. Молодые актёры играли вдохновенно. Звучащие из их уст стихотворные строки одна за другой вплетались в общую ткань действия, создавая мощный рисунок сухановской поэзии. Звучала музыка, исполнялся танец, а Пётр Антонович молчаливо взирал на сцену с большого фотопортрета. И оттого замечательное действие воспринималось с грустью. Казалось, что будто вчера поэт читал свои строки в одном из сургутских залов:

*«Я сресся с этим городом как нерв...
Вошёл в его дороги стихотворными
каракулями...
свалился с неба...
влез и вполз – как червь
в расщелину или улитка в раковину!..
пророчили кликуши, что умру...
орали трассы – скрутит переменами!..
А я буграми мышц вздымал Югру
и – рос с её деревьями и стенами.
Я разливался с Обью в берегах
и падал в грязь распутиц и гостиниц...
И даже в самых маленьких грехах,
я знаю, что и большее бы вынес!..
Мой город!.. Жизнь моя...
Мой крест!.. –
За временами, может быть, не лучшими
уверуем: ни холодом,
ни путчами
нас не разъять!..
И это божий перст.*

Литературоведы отмечают, что творчество Петра Суханова ещё не осознанно современниками, но уже сегодня ясно, что это был талантливый поэт всероссийского масштаба.

СУРГУТСКОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ПЕТРА СУХАНОВА

Юрий Дворяшин, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Союза писателей России

Ранняя и столь неожиданная смерть Петра Антоновича Суханова все еще не позволяет его близким отделить земную, бременную его жизнь от долговременной и высокой жизни в русской поэзии. Современникам и особенно землякам поэта, знающим его в бытовых проявлениях, бывает весьма затруднительно, а зачастую – и недоступно, понимание того, что вот в этом на вид обыкновенном человеке, вроде бы таком же, как многие, сошлись пути провидения. И только задним числом, после горестной и навечной разлуки с ним, мы понимаем, что и самые обыденные, казавшиеся ранее ничтожными его проявления, были неспроста. И как знать, может быть, в них на самом деле запечатлелись и наша собственная тяжба с трагедией и счастьем бытия.

Его голос звучит для нас не только во вновь и вновь перечитываемых стихах. Многие из сургутян признаются в том, что все еще живут с ощущением: вот раздастся телефонный звонок, и до боли знакомый голос с характерной хрипотцой произнесет: «Привет! Послушай, я тут написал...» Мы только теперь, кажется, можем во всей полноте осознать, насколько важно было для Петра Антоновича это едва ли не ежевечернее его общение со своими слушателями-читателями. Думается, что ему в эти минуты нужны были не столько наши слова одобрения, сколько подтверждение того, что живые ниточки связи его с теми, для кого он писал, не оборваны, что созвучие сердец и душ, столь необходимое поэту, не порушено.

В Петре Суханове, каким мы его знали при жизни, удивляли, а иногда и поражали некоторые особенности его личности, которые нельзя расценить иначе, как приметы истинного поэта. Он, например, был очень грамотным в языковом отношении человеком. В его стихотворных текстах практически не было ошибок. Вряд ли это можно объяснить фундаментальным филологическим образованием, которого, судя по всему, у него не было. Тут дело в другом – в безошибочно точном чувстве слова. И еще, конечно, в неприметной для окружающих напряженной работе самообразования. Нельзя было не заметить и того, что его буквально переполняли поэтические образы, метафоры, сравнения. Стихотворные каламбуры нередко срывались с его уст в ситуациях весьма не поэтических. Но это не было для Суханова способом привлечь к себе внимание или попросту позабавить слушателей. Удивительно то, что его вроде бы впопыхах рожденные рифмованные строки неожиданно становились выражением самой сути происходящего. При этом бытовая неразбериха обретала свою значимость и смысл.

Водитель «Татры». 1970-е гг.

При всей необычности ранней поры жизни П. Суханова в ней не было чего-то чрезвычайного. Да и его стихи того времени еще не обрели завершённой самобытности. Стихотворные опусы юного Суханова так и остались бы фактами биографии только лишь их автора, если бы в конце 70-х годов он не совершил резкий поворот в своей жизни, который оказался судьбоносным. В 1977 году, после окончания строительного техникума, он расстается с родными краями и уезжает за тридевять земель в далекий заснеженный Сургут.

Дотоле мало кому известный Сургут в то время становился центром развёрнувшейся на просторах Западной Сибири грандиозной эпопеи освоения нефтяных и газовых месторождений. Эпопея эта, длящаяся на протяжении вот уже нескольких десятилетий, стала одним из крупнейших событий в мировой истории XX века. Да и в ряду великих свершений нашего народа за его многовековую историю освоение месторождений Тюменской нефти занимает далеко не последнее место.

Сегодня нам понятно, что П. Суханов ехал в Сургут не для устройства своей литературной биографии. Со всем пылом своей кипучей натуры он погрузился в практическую трудовую деятельность. Первое время работал мастером на стройке, а в 1978 году перевелся на работу в автобазу – сел за руль

большегрузной «Татры». Во всем этом не было искусственной заданности, стремления набрать жизненных впечатлений, чтобы затем воплотить их в стихотворные строчки. В то время поэзия для П. Суханова оставалась на втором плане в обустройстве его жизненного пространства. Однако в действительности то, что происходило в те годы и в чем он принимал самое непосредственное участие, стало несравненно более важным, чем накопление личных впечатлений, в первую очередь, для его поэтического творчества. Именно отсюда, из Сургута, подал он заявление в Литературный институт им. А.М. Горького, который закончил в 1983 году, а уже в 1988 году, будучи сургутянином, стал членом Союза писателей СССР. П. Суханов сам, так сказать, своими руками создавал собственную судьбу, без которой, как известно, не может быть большого поэта. Именно здесь, на берегах могучей Оби, в эпицентре всенародного подъема, пройдя суровую школу первопроходцев нефтяного края, П. Суханов обрел свой подлинный, самобытный лирический голос. Можно сказать, что в его лице эпоха покорения нефтяного Приобья сформировала своего поэта.

Он стал «летописцем» душ и сердец тысяч наших соотечественников, плечом к плечу с которыми он осваивал суровый край. Он не просто описал приметы исторического события, он передал в своих стихах приметы мироощущения, черты характера, нравственные идеалы его участников и современников. По стихам П. Суханова можно судить о том, как чувствовали, как

Водитель Пётр Суханов. 1970-е гг.

любили, о чем мечтали и во что верили представители того поколения, к которому он принадлежал.

Сургут действительно стал для П. Суханова родным городом, но не по факту рождения, а по тому обстоятельству, что здесь окончательно сложилась его судьба, в полной мере реализовался творческий потенциал его личности. Стихи «зрелого» П. Суханова свидетельствуют о том, что поэт отдавал себе в этом отчет. Примеча-

тельно, что в его раннем творчестве, запечатлевшем непосредственные впечатления и переживания рядового участника грандиозного проекта освоения нефтяных месторождений Западной Сибири, названия города нет. И лишь со временем, когда «большое увиделось на расстоянии», были написаны проникновенные строки, посвященные ставшему родным Сургуту:

*Я вошёл в этот город, как входят в Мечту –
не задворками, а с самолёта...
Кое-кто говорил, что навек пропаду!..
Не пропал...
Приютила
работа.
Здесь
дороги и трассы мои пролегли,
и, бывало, что жил на одних только нервах,
этот город – мой дом
на просторах Земли!
Здесь я рос и крепчал
в непролазных
карьерях!..
И когда я бываю в других городах,
где метро и трамваи,
и много уюта –
всё равно я грущу о таёжных краях
и не мыслю свой век
без Сургута!*

Поэт за работой. 1970-е гг.

Стихотворение это – одно из многих, посвященных городу, оно не случайно и по праву стало его своеобразной визитной карточкой.

В жизни, в отношениях с окружающими он производил впечатление человека независимого и дерзкого. Всякий, кто с ним соприкасался в быту, чувствовал и понимал, что в случае чего он за словом в карман не полезет. От соприкосновения с ним, бывало, сыпались искры. И лишь самые близкие ему люди знали, что за этой отважной дерзостью скрывается ранимое, жаждущее любви и понимания сердце. Впрочем, почитателям творчества П. Суханова аргументов на этот счет не требуется: в стихах подлинная его натура распахивается во всю свою ширь и просвечивается до доньшка.

Когда сегодня открываются страницы его книг, прислушайтесь: в их шелесте – жар души, тепло трепещущего сердца поэта. Это не придумка. Он так и хотел. Помнится наша последняя встреча у него на квартире, за две недели до рокового конца. Он проговорился, что не бережет свои рукописи. Я спросил: «Куда же ты их дел?» Он говорит: «А я вынес их на площадку перед домом и сжег. Пускай людям будет теплее...» В этом – весь Суханов! Он и сгорел, как на костре, отдав себя целиком, без остатка своим читателям – нам с вами.

МОЛОДОСТЬ ПЕТРА

Алла Ярошко, член Союза журналистов России

Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы когда-то испытывали и хотели бы вновь повторить. Но нет – ушли безвозвратно, лишь легкий след чего-то неясно прекрасного витает над тем, что зовется родиной души человека. И только «живое тепло» – стихи тех лет – могут вернуть нас в прошлое, с которым мы разминувшись в пути.

Подлинно народный поэт, яркий и глубокий лирик, Пётр Суханов – из галереи личностей, составляющих драгоценное достояние поэтического Олимпа России. Одно из самых последних ярких воплощений феномена, возникшего в России второй половины века двадцатого, когда поэты были властителями дум, выразителями мыслей и чувств миллионов.

В конце шестидесятых годов прошлого века над Землей разверзлась космическая дыра, через которую на планету хлынул обильный, щедрый поток информации, великих открытий науки, техники, необыкновенно талантливых, на грани гениальных, произведений культуры и искусства. Это был даже не поток – настоящий потоп, который затопил всю Землю. Досталось этой благодати всем – кому больше, кому меньше. Именно на это время приходится эпохальное открытие Западно-Сибирского «нефтяного континента», феноменальные богатства которого не позволили России погибнуть при смене властных режимов на стыке веков и тысячелетий. Сургут – центр этого нефтяного континента, сегодня это уже очевидно. В город приехало великое множество людей неравнодушных, амбициозных, способных на действия – на поступок, на творчество.

На излете 60-х годов, в городе на 60-й параллели, в одной точке – редакции единственной тогда газеты «К победе коммунизма» – концентрация поэтов и любителей поэзии достигла критической массы и породила неформальное их объединение в виде литературного клуба. Клуб как клуб – таких тогда литературных объединений в Советском Союзе было великое множество. И называлось сургутский клуб, казалось бы, вполне заурядно – «Северный огонек», на манер сверхпопулярного тогда «Голубого огонька» на ТВ. Кучка сумасшедших раз в неделю собиралась по вечерам в редакции, которая тоже переживала период ренессанса, в неё пришли молодые журналисты – выпускники журфаков всей страны. Приходили в клуб, конечно же, в первую очередь почитать свои стихи, послушать собратьев по перу, поспорить, покриковать друг друга, послушать записи на рентгеновских снимках – «на костях». Поговорить о временах, «которые не выбирают». Приводили друзей. Собирались на «огонек» поэтической, свободной мысли – это была одушина для людей творческих, мыслящих.

В редакции газеты «К победе коммунизма». 1970-е гг.

Раз в месяц в газете выходила литературная страница – её ждали с нетерпением, передавали из рук в руки. Хранили долгие годы. Эти люди жили в неведомом большинству мире, неписаным законом которого была фраза: «Поэт в России – больше чем поэт». Самый возможный выход на массового читателя – газетная трибуна. А ещё – встречи с читателями, где угодно: на буровой, на стройке, в общежитиях и клубах. Пятерка поэтов могла держать аудиторию любого уровня как угодно долго. Странно, но уставший за тяжелый день рабочий люд собирался на эти встречи, как на «хитовые» концерты. И слушали, затаив дыхание, и преисполнялись гордости. Потому что речь в стихах шла о них, романтиках и созидателях, преображавших суровый край...

Атмосфера была такая, что казалось, чиркни спичкой – и вспыхнет непалимый огонь высокой духовности.

На одно из заседаний клуба во второй половине 70-х и пришел впервые водитель «КрАЗа» Пётр Суханов. В полушубке и мохнатой шапке-ушанке, в унтах на собачьем меху, жарко блестя глазами, он покориł «огоньковцев» с маху, прочитав им несколько своих стихов. А на следующее заседание пришли военные из военной части, что тогда базировалась в Сургуте. Молодые галантные офицеры в серо-голубых шинелях оказались не просто поклонниками поэзии – они творили её сами. Жизнь «Северного огонька» перешла на новую орбиту.

Суханов 70-х – предельно позитивный, жизнерадостный человек, щедро даривший свои стихи любому, кто пожелал бы их слушать. Закованная в ямбы поэтика Петра Суханова грохотала всепобеждающим пафосом любви ко всему

С Эдуардом Сагалаевым

миру и восторгом: «Мы курьеры карьеров, гладиаторы трасс. Не машины, а звери под руками у нас!». Каково?! Он мигом обзавелся друзьями – да, собственно, весь клуб ходил у него в «корешах». Женская половина клуба обожала этого обаятельного, рыцарственного супермена-северянина с курчавой бородкой, а Пётр – Пётр выбрал скромную и милую Людмилу (они вместе работали на Сургутском домостроительном комбинате).

Главный герой сухановских стихов – Время, ничем не приукрашенное, подлинное и вечное, живущее и дышащее. Стремительное, как в свиридовской сюите «Время, вперед!». И всё-таки более всего поэт уже тогда

был сосредоточен на себе – именно для самопознания, а не для самолюбования. Случилось так, что наши семьи получили квартиры в одном и том же доме – на бульваре Свободы, 12. В ЖКК, выдавая ордер, мне сказали: «А знаете, в этом доме живет знаменитый поэт Пётр Суханов. Сказал, что ему нравится смотреть на зеленые макушки сосен у него под окнами». Наверно, это были самые лучшие годы жизни и у меня, и у Петра Антоновича. Жизнь пульсировала знаковыми событиями, шла, как нам казалось, на взлет – оказалось, на излом.

Изменилась поэтическая интонация Петра Суханова. Его книги той поры, отразив предельно живо, ёмко и точно, порой – безжалостно-жестко – не только переломную эпоху, но и самого себя, – оказались страстной и взволнованной исповедью человека, для которого вся жизнь – экстремальная ситуация. Со страниц поэтических сборников предстаёт человек открытый, необычайно тонко чувствующий, подчас кажущийся по-детски наивным. Но это не наивность, а та высшая степень мудрости, которая не нуждается в пространных

рассуждениях и подчеркнутой многозначительности. Эта «наивность» с годами переросла не просто в ностальгическую грусть, а в постоянную, сжигающую поэта тоску.

Теперь у него появились и недоброжелатели-злопыхатели. Но все наши дальнейшие встречи с Петром неизменно были окрашены в ту светлую и нежную романтическую грусть, которая была отзвуком давно ушедшего от нас времени молодости. Однажды я попросила его подготовить подборку стихов для юбилейного издания нефтяников. Петя не отказал – но и не сделал: он уже уходил.

Порывистая и трагическая, нарочито неровная, с социально-философскими размышлениями поэзия Петра Суханова выламывается из «жирных нулевых» века двадцать первого, отвергших поэзию за ненужность. Значит, все расчеты на будущее надо начинать с основания, с базы – с культуры. Со стихов, с которыми мы жили, строили, страдали и любили все эти десятилетия.

ВСПОМИНАЯ СУХАНОВА...

Ирина Сердюкова, руководитель Центра социального партнерства Сургутского профессионального колледжа

13 октября 2001 года. Дни Сургута в Тобольске. 700 сургутян выехали в древнюю столицу Сибири. За один день провели более 30 мероприятий: концерты, соревнования, встречи... И вот в самом большом зале – заключительный концерт. И начинается он знаменитым сухановским стихотворением: «Я вошел в этот город, как входят в Мечту...» Столько энергии, силы, достоинства и гордости звучало в этих строчках, на таком подъеме прошел весь концерт! Тобольские газеты потом писали: «К нам приехали гости из будущего».

Я начала свои воспоминания о Петре Суханове с этого эпизода потому, что стихи его, так мощно вошедшие в нашу жизнь, отражают наше время, наши чувства и мысли, нашу любовь и ненависть, нашу боль за судьбу Отечества. Писать о Суханове просто и трудно. Просто, потому что вот он, простой парень Петя Суханов, живет рядом, работает много и истово, любит, страдает, женится-разводится, куролесит. Трудно, потому что за всей этой спонтанностью, кажущейся простотой, естественностью в поведении шла сложная духовная работа, и рождались стихи – стихи настоящего большого Поэта.

Много лет я работала помощником мэра Сургута Александра Леонидовича Сидорова. Он называл меня «матерью-игуменьей», потому что дверь

моего кабинета всегда была открыта, и люди шли ко мне с исповедями, за советами, помощью. Пётр Антонович заходил часто: то стихи новые почитает, то советуется о наболевшем личном, то о судьбах России с горечью говорит, то о новых книгах и вообще, о литературе...

1997 год. Приближается 50-летие П.А. Суханова. В планах – издание новой книги стихов, проведение юбилейного вечера. А денег нет. Пишу письма руководителям предприятий с просьбой поучаствовать в финансировании юбилейных мероприятий. А.Л. Сидоров письма подписывает, и надо сказать, к чести сургутских руководителей – никто не отказал. И была издана книга, и вечер потрясающий прошел, и в Грецию Пётр Антонович в то лето съездил. А сколько смеха до слез было, когда он читал свои «греческие» стихи и рассказывал о «шубье» да женщинах греческих-«мумиях», которых «даром не заметит сибиряк»!

Март 2002 года. Приближается юбилей А.Л. Сидорова. Пётр Антонович приносит стихотворение, посвященное ему. Прочитал мне, отдал листок, сказал: «Не умею оды писать, пусть у тебя будет». А как он читал свою «шедевральную» сказку «Про колобка и красавицу Бабу Ягу»! С какой болью выговаривал:

*Не с дуру ль,
Распахнув тревогодья,
Клюем
Заморский лакомый кусок,
И Родина, одетая в лохмотья,
Цыганит
У больших своих дорог!»...*

И так больно. И комок в горле. И слезы в глазах.

Для меня Пётр Суханов в современной русской литературе навсегда рядом с Астафьевым, Шукшиным, Рубцовым. Они любимы и слышимы народом. И каждый, думаю, мог бы подписаться под моей любимой цитатой из В.М. Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

На сцене – сургутские поэты. Пётр Суханов второй справа

ЗАПИСКИ ДРУГА

Валерий Латынин, поэт, член Союза писателей
и Союза журналистов России

Осенью 1980 года ударные волны боевых действий в Афганистане докатились и до тихих виноградных городков Закарпатья, вздыбили и беспощадно разрушили почти идиллический многолетний уклад жизни и службы личного состава дорожно-строительной бригады, расквартированной там. Офицеры годами строили дороги и мосты в Западной Украине вдоль государственной границы. А тут, нате вам: «Труба зовёт – солдаты в поход!..» Нет, не в жаркие пески Афганистана – бригада по требованию Кремля срочно перебрасывалась в болота Западной Сибири... спасать валютные доходы государства от продажи за границу российской нефти и газа. Проклятые буржуины, протестуя против ввода советских войск в Афганистан, перестали поставлять для строительства газопроводов и нефтяных промыслов необходимую специальную технику – трубоукладчики, экскаваторы, бульдозеры. Но не зря говорится в народе,

голь на выдумку хитра и два солдата и лопата заменяют экскаватор... Вот мы и должны были, согласно стратегической задумке кремлёвских мудрецов, заменить «Катерпиллары», «Камацу» и прочие капризные механизмы капризных поставщиков. «Мы» пишу потому, то на тот момент оказался ответственным секретарём солдатской многотиражной газеты в этой дорожно-строительной бригаде.

Моим собратом по купе в военном эшелоне был старший лейтенант Анатолий Тхор. Однообразие пути в студёное царство Тюменского Севера мы скрашивали чтением подшивок журналов и газет, которыми запаслись заранее. Старались в первую очередь отыскать какие-либо сообщения о местах нашей добровольно-принудительной «ссылки». Толя как помощник начальника политотдела по комсомольской работе при чтении больше ориентировался на публицистику о трудовых подвигах нефтяников, газовиков, геологов, строителей Тюменской области. Я «выцеживал» художественные произведения сибиряков – рассказы, повести, литературные обзоры, поэтические подборки. Одна из них зацепила за душу ладными, «хрупающими», как снег под ногами, строчками:

*Мы – курьеры карьеров,
Гладиаторы трасс.
Не машины, а звери.
Под руками у нас...*

«Вкусно» и виртуозно сработано... на молодёжную аудиторию – в самый раз! Но в подборке были стихи и не только для юных романтиков – непридуманная, «мускулистая» поэзия труда на северных трассах:

*Будь проклята – эта дорога,
Безнадёжно застрявшая в дикой глуши!..
На две тысячи вёрст – кроме Бога! –
Ни единой души...
...Мы вылезим в мороз на подножки,
Мы идём по Оби, как в бреду.
Наш могучий «Урал», словно кошка,
На приспущенных скатах крадёт по льду...*

Над стихами – имя и фамилия автора: Пётр Суханов. Здесь же – фотография улыбающегося крепыша на фоне косолапой «Татры» и несколько слов аннотации о том, что автор живёт в Сургуте, работает водителем и заочно учится в Литературном институте имени А.М. Горького, является победителем Всероссийского конкурса молодых поэтов, проведённого журналом «Смена».

– Ну-ка, посмотри эту подборку стихов, – протягиваю развёрнутую подшивку «Смены» своему товарищу.

Он заинтересованно пробегает взглядом по строчкам, внимательно всматривается в фотографию улыбчивого, чисто выбритого и соответственно приодетого по такому случаю молодого мужчины.

– Нужно найти его в Сургуте, – говорит Тхор, – познакомиться. Думали, в глухой край едем, а там, оказывается, настоящие поэты водятся... Хорошие стихи. Симпатичный мужик. С таким не пропадём.

– Без натяжки крепкие стихи, – подтверждаю я, забирая журналы. – Представляешь, мы ещё не были в Сургуте, а уже знаем, кто нам там нужен, с кем хотим подружиться?.. Чудно! Как будто кто-то направляет нас свыше...

Я мечтательно улыбаюсь, предвкушая будущую встречу с Петром Сухановым.

Толя тоже в приподнятом настроении. Достает с верхней полки гитару, ласково именуемую «скрипкой», запекает песню, и я с охотой подпеваю ему. Услышав песню, проводница Оля, подойдя к нам, вопросительно смотрит на наши улыбающиеся физиономии.

– Чего развеселились?

– У нас радость, – отвечаю я, – родственника в Сургуте нашли...

– Ещё не доехали, а уже нашли?.. – недоумевает Оля. – А чей родственник, твой или Толика?

Добрые друзья. П. Суханов, В. Латынин, народный артист РФ Ю. Назаров в день 50-летия поэта. Сургут, 1997 г.

– Наш, – не сговариваясь, отвечаем по-солдатски дружно и хохочем.

Сургут встретил нас тридцатиградусным морозом. Мне такого в октябре отродясь переживать не приходилось ни на Дону, ни в Казахстане, ни на Украине. Руководя разгрузкой вагона, в считанные минуты обморозил уши и щёки, да и пальцы ног в офицерских «хромочках» превратились в сосульки.

Через несколько дней, «временно оккупировав» недостроенный братушками-болгарами восьмизэтажный профилакторий и пятиэтажный жилой дом, готовый к заселению (что делать – к нашему внезапному «нашествию» местное начальство не успело подготовиться должным образом), и спрятавшись от сибирского мороза в солдатские полушубки и валенки, армейская братия, в основном офицеры и прапорщики, стала активно изучать окрестности – клубы, женские общежития, торговые базы, рестораны, магазины и иные достопримечательности северного промышленного города.

Наш маленький коллектив военных газетчиков во главе с редактором майором Нагирным занялся монтажом типографского оборудования и просмотром местной прессы, то есть я и начальник типографии Валерий Шадри со своими подопечными солдатами-полиграфистами монтировали, а Василий Михайлович исследовал газетные страницы. Он-то в конце трудового дня и порадовал меня великолепными «разведданными»: «Завтра, в 18 часов, в помещении редакции газеты «К победе коммунизма» по адресу: улица Просвещения, 14 состоится заседание литературного клуба «Северный огонёк». Ведёт заседание поэт Пётр Суханов».

С молодыми литераторами в Москве. 1980-е гг.

Вот он – долгожданный момент встречи двух стихотворцев, двух чудиков, влюблённых в одну призрачную волшебницу, ведущую их по жизни... Какой он, Пётр Суханов? Открытый, радушный или замкнутый, самодостаточный? Как воспримет меня – соперником или собратом? Да и воспримет ли вообще мои невеликие поэтические опыты? На снимке он такой бывалый: уверенно держащий не только автомобильный руль, но и судьбу в поводу.

Василию Михайловичу и Толе тоже любопытно посмотреть на пишущее объединение сургутян и узнать их реакцию на моё творчество. Наглаживаются, бреются, одеколонятся. Настроение приподнятое. Предвкушают какое-то интересное действо.

А у меня наоборот – отрешённость от внешнего мира, погружение в собственные мысли и сомнения, проба «на вкус» тех или иных стихотворений, прислушивание к чистоте звучания строя – не срываются ли слова петушиным фальцетом? Не хочется предстать перед собратями по перу очередным безликим графоманом «без царя в голове и божьей искры в слове». Хоть и были за плечами публикации в республиканских и центральных журналах, коллективных сборниках, победы в поэтических и прозаических конкурсах, но выступление в новом творческом коллективе – всегда как экзамен на подтверждение квалификации.

В обозначенное объявлением время трое решительно настроенных «драгун» переступили порог редакции городской газеты и сразу же попали к милой и симпатичной хозяйке литературной гостиной Алле Походенко (Ярошко). Алла искренне удивилась и обрадовалась необычным гостям. Военных газетчиков, а тем более литераторов, в их края ещё не заносило. Познакомила нас с заведующей отделом, пишущей стихи, Ниной Заболотневой, с ответственным секретарём редакции Николаем Козловым, с редактором одной из производственных многотиражек и стихотворцем Игорем Кирилловым, с делающим первые шаги на литературной ниве бурильщиком Николаем Сочихиным и другими завсегдаками «Северного огонька».

В достаточно просторной комнате бревенчатой редакции тесно от посетителей – занят диван, принесённые из других кабинетов и расставленные вдоль стен стулья. Деревянная вешалка-стойка похожа на новогоднюю ёлку от многообразия навешанных на ней шуб, пальто, шинелей, шапок, пуховых платков. Свободен только один стул – за столом напротив рабочего места Аллы Походенко (Ярошко), это для Петра Суханова.

Наша армейская тройца сидит на диване вместе с Ниной Заболотневой. Василий Михайлович не теряет времени даром – наводит мосты дружбы двух печатных органов. Он большой мастер устного жанра. Нина то и дело залившись смеётся, в её больших, доверчиво распахнутых глазах – неподдельный интерес к беседе и бесшабашная весёлость. В комнате стоит гул десятка одно-

*С близким другом Валерием Латыниным.
Сургут. 1970-е гг.*

временно звучащих голосов, будто шум беспокойной горной речки. Но он вмиг смолкает, как только в дверном проёме показывается бородатый мужик в заячем треухе, чёрном распахнутом полушубке, стёганных ватных брюках и унтах, одетый, как любой таёжник в зимнюю пору. Он моментально окидывает присутствующих цепким взглядом, небрежно бросает под вешалку, на которой не оста-

лось свободных крючков, полушубок, шапку, меховые рукавицы. На ходу роняет обращённое ко всем: «Здрасьте», но по ходу к единственному незанятому стулу жмёт руку Игорю Кириллову и буровику Сочихину...

До нас медленно начинает доходить, что этот бородач в унтах на собачем меху, в сером, грубой вязки свитере, совершенно не похожий на своего фотографического двойника и есть поэт Пётр Суханов. Будто по команде одновременно встаём перед ним, как перед старшим начальником. Я в порыве дружеских чувств протягиваю руку для приветствия... Но Суханов, как-то искоса и даже недоброжелательно взглянув на нас, отшатывается в сторону и, миновав, как ловкий тореадор, вытянутую руку, плюхается на стул.

— Ну, начнём, — то ли спрашивает, то ли резюмирует он. — Кто готов удивить мир поэтическими находками?

Мы молча садимся. У меня горят уши и щёки, как у провинившегося школяра, в голове лихорадочно скачут мысли: «Почему Суханов так поступил, почему показательно продемонстрировал неприятие доброжелательных чувств к нему? Что делать дальше — сидеть истуканом или попытаться что-то вякнуть, изменить обстановку?»

А между тем звучат стихи членов литобъединения. О них что-то говорят товарищи по студии, вставляет реплики руководитель. Всё, как всегда в подобных случаях, и в то же время не так... Чувствуется непонятная напряжённость в атмосфере комнаты, какая-то зажатость Суханова — самого авторитетного участника литературного клуба. Он говорит рассеянно, постоянно пытается убрать под стол крепкие рабочие руки, на которых я успел заметить несколько наколов, характерных для людей, побывавших в местах не столь отдалённых.

Берёт слово хозяйка гостиной и объявляет для всех присутствующих и прежде всего для руководителя литобъединения, что в Сургут и ряд других городов Ханты-Мансийского автономного округа прибыла для постоянной дислокации и помощи газовикам, нефтяникам и строителям военная дорожно-строительная бригада, у которой есть своя газета. Алла представляет моих товарищей, а потом меня как военного журналиста и литератора, имеющего публикации в центральных журналах и прошедшего творческий конкурс в Литературный институт имени А.М. Горького.

Суханов медленно поворачивает голову в мою сторону и первый раз смотрит «видящими» глазами, без ледяной корочки на зрачках.

– Это любопытно, – говорит он. – Давайте послушаем стихи военного журналиста.

Во мне смятение чувств. Мысли и строчки стихов перепутались. Забылось, что хотел сказать и прочесть в период домашней подготовки... Читаю первое, приходящее на память и ещё не отболевшее, – «Мост»:

*...Разделяют отца и мать
Речка Сал – вода, как слюда,
Сколько раз мне пришлось шагать
Через речку туда-сюда!*

*Под мостом опоры скрипят,
Речка дыбится, лёд круша.
Знает сердце, как ноги болят
И раздвоена душа.*

*Время мутной рекой бурлит
Между матерью и отцом,
Только я продолжаю быть
Несожжённым для них мостом.*

Суханов уже не просто смотрит в мою сторону с откровенным любопытством, а разворачивается всем корпусом и предлагает: «Ещё что-нибудь». Читаю ещё и ещё.

Бородач порывисто встаёт, делает несколько шагов к дивану, около которого я ожидаю реакции на прочитанные стихи, и, подвинув меня своей заскорузлой лапой ближе к центру комнаты, сжимает в объятьях, будто давнего кореша.

– Около редакции стоит мой «Урал», – говорит Пётр мне одному, забыв о других литературных собратях, будто мы давно остались один на один с ним, – загружай своих вояк, поедем продолжать встречу. Вопросы?

Я недоумённо пожимаю плечами. Какие могут быть вопросы? За «рюмкой чая» беседа всегда лучше ладится.

Толя с Василием Михайловичем сияют, как начищенные перед строевым смотром бляхи солдатских ремней. В комнате одобрительная суета. Кто-то пожимает руку, кто-то предлагает подготовить подборку стихов для публикации. Стою, как контуженый, ничего вразумительно не разбирая из того, что говорится, чётко понимая только одно – кажется, меня признали за своего?!

...Серое, морозное утро уже заглядывало в наши окна, когда мы стали прощаться с гостем. Собственно, это был уже не гость, во всяком случае, для меня. За несколько часов общения на языке поэзии мы с Петром породнились душами и с того времени никогда уже забывали друг о друге...

...В 1997 году вместе с заслуженным артистом России Юрием Назаровым и артисткой Московской филармонии Людмилой Мальцевой я прилетел в Сургут на пятидесятилетний юбилей Петра Суханова.

Было много подарков от администрации и предприятий города. Много добрых приветствий, цветов и улыбок. И мой друг в изящном смокинге был несколько растерян от всеобщего внимания и суеты вокруг, оттого, что светлое пятно прожектора весь вечер не выпускало его из своего ореола. И, чтобы скрыть испытываемую неловкость, он, как всегда, шутиливо говорил о самом серьёзном, о своей жизни:

В период возрождения сургутского казачества с о. Виктором. 1990-е гг.

Я весь придуман Богом и Судьбой...
 И значит, не подделка. Не подделка.
 А если вышел тяжело и мелко –
 так это ЖИЗНЬ дурачилась со мной!..
 Обиды нет.
 Наверное, другим –
 ровесникам, рабочим и поэтам –
 жилось сложнее в кровавом веке этом...
 И, может, жизнью я обязан им!
 о, так или иначе, если вдруг
 в миру
 мелькнёт моё изображение –
 его поставьте в угол или – в круг...
 Я попрошу у всех
 за жизнь свою
 прощенья!..

Я сидел в зале, смотрел на прожекторный нимб над кающимся «святым грешником», и думал: «Понимают ли его земляки, что вот уже несколько десятилетий в Сургуте существует Богом сотворённая для спасения заблудших душ Площадь Света – Пётр Суханов?!»

ЕГО МЕРИЛОМ БЫЛИ ЗВЕЗДЫ

Тамара Лычкатая, директор Сургутского музыкально-драматического театра

Моя история-воспоминание о Петре Суханове, вероятно, не совсем каноническая и, может быть, кому-то покажется – не совсем в масштабе темы творчества поэта. И тем не менее...

...Стояла прекрасная осень, конец сентября. На машине Суханова мы приятельской компанией отправились в лес: кто за грибами, кто за ягодами, кто просто так – пообщаться. Мы с Петей, одержимые поэзией, разговор о вечном начали еще в машине, а затем продолжили на прогулке в лесу. Шли не топча, покуривая, читая друг другу стихи. И вдруг заметили, что мы одни. Рядом – никого. Где мы? На наше «ау!» никто не отзывался.

Наступил момент, когда возникло осознание: мы вдвоем в лесу, и вот-вот наступит ночь. Два взрослых разнополых человека, обоим под сорок. Я на тот момент – не замужем. Признаться, я сразу растерялась, не зная, чего

*Сцена из спектакля Сургутского музыкально-драматического театра
«Я счастлив тем, что счастлив быть». Сургут, 2012 г.*

ожидать от спутника. Это была непривычная обстановка. Про Петю слышала то, что слышали все: он умеет покорять и манить женщин. И значит, я осталась наедине с уверенным соблазнителем, повесой, циничным и дерзким с женщинами. Наверное, сейчас последуют сальные, недвусмысленные шуточки, думалось мне.

Почему я этого испугалась? Потому что возникла ситуация, которая могла нас рассорить. Даже сделать врагами. Ситуация, которая могла испортить впечатление друг от друга. В лесу все больше темнело...

Удивительно, но в глазах Пети я увидела... растерянность. Может быть, что-то аналогично отталкивающее он думал обо мне? Нам было одинаково неловко. Мы оба – мужчина и женщина – симпатизировали друг другу как люди. Мы только сейчас были на одной волне, мы только сейчас не могли остановиться в беседе, шли плечо к плечу... А тут отпрянули друг от друга. Мы оба почувствовали опасность разрушить атмосферу, которая еще пару часов назад казалась неколебимой, естественной.

...Мы шли всю ночь. Просто шли и шли. Пребывая в шоковом молчании, но – слыша друг друга. Петя как-то пытался освещать дорогу. Как я думаю, он все же ориентировался в сторонах света, анализировал наш путь. Под утро,

продрогшие, мы вышли к машине. Петя предложил сразу ехать к нему домой – отогреться, прийти в себя. Я оторопела. В моих глазах стоял немой вопрос: а супруга? Я не задавала его вслух. Но Петя ответил: все в порядке, едем. И действительно, все было в порядке. Людмила приняла меня доброжелательно, напоила чаем, попарила ноги, не отпустила домой – уложила спать. В своем соучастии она была под стать Поэту.

...Я с Петей знакома с 1986 года, мы встречались нечасто, в разные периоды его жизни. Но в памяти осталась именно эта история. Она озарена светом внутренней чистоты Пети, светом

Поэту – 50! Сургут, 1997 г.

Поэта, его тяги к очищению. Довольно простая, эта история, тем не менее, дает мощную подпитку в понимании его натуры. Натуры, как оказалось, бесконечно тонкой и деликатной. Натуры, в которой полностью отсутствовал цинизм. Хотя молва, божественные пересмешники сулили обратное. То, о чем говорили, и то, что присутствовало в Пете на людях, оказалось только защитой внутреннего мира, мира романтика, способного почувствовать другого, как себя. Этим, видимо, питалась его лирика. Лирика очень индивидуальная, в которой за внешней резкостью скрывается пронзительность в восприятии мира, событий, людей, себя. Умение внутри себя отсеивать мелкое, бытовое, наносное.

Я с особым трепетом откликнулась на предложение Николая Ганущака, председателя фонда «Словесность», поставить в Сургутском театре поэтический спектакль по произведениям Петра Суханова. Я хотела познакомить актеров Сургутского театра с поэзией Суханова, заразить их его словом и талантом. Хотела подарить этот спектакль в первую очередь молодежи города. Донести слово поэта, который тонко чувствовал этот мир, не был равнодушен к силам, ломающим души и сбивающим нравственные векторы.

...Удивительная вещь – память. И, наверное, не случайно она – память – эту ночь в лесу оставила во мне. А вместе с ней – и ассоциацию о причастности Пети ко Вселенной. Ибо тогда – конечно! – он шел по звездам, сам являясь частью мироздания. И мы вышли. Он вышел не только к машине. Он просто всегда шел по звездам. Не опускаясь до быта. Его мерилom окружающего все равно были звезды.

Он так и остался поэтом, тоскующим по гармонии внутри себя и вокруг себя. И ушел из этого мира рано потому, что, видимо, не нашел её. Но ушел – с верой в эту гармонию.

ВЫСШАЯ МЕРА

Но –
Всё обошлось!.. Я родился безгрешно.
И вырос, как мог, без обид и в тепле.
Любил тяжело и, наверно, поспешно –
как многие любят на этой земле!..
Давили прохожие. Тыкали пальцем...
Но я уходил от людей, уходил...
Возможно, и умер бы вечным
скитальцем –
да с детства боюсь одиноких могил!..
Я всё повидал – кроме Правды и Веры!..
Мечты, как круги на воде, разошлись...
Мне выдало ВРЕМЯ
как ВЫСШЮЮ МЕРУ–
ЖИЗНЬ!

Пётр Суханов

СЛОВО О ПОЭТЕ И ДРУГЕ

Сергей Лагерев, член Союза журналистов России

*Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею...
К. Батюшков*

Наше заочное знакомство с Петром Сухановым началось в 1986 году, когда я прочёл его поэтический сборник «Встреча». Стихи поразили меня своей неординарностью, пронзительностью, внутренней мощью и, что бывает редко,

правдой жизни. Чувствовалось, что судьба поэта была непростой, пути-дороги были извилисты: он спотыкался и падал, но вновь поднимался и шёл вперёд, становясь всё крепче духом. Было видно: это истинный поэт!

Повстречались мы только через десять лет, в январе 1996 года, на вечере памяти Николая Рубцова. Пётр считал его одним из лучших лириков России. Когда Суханов учился в Литературном институте в Москве, то одно время занимал ту же комнату общежития на улице Добролюбова, где в своё время жил и Рубцов. Даже делал доклад по творчеству вологодского поэта и написал ему несколько поэтических посвящений. Это нас и сблизило. Нашему сближению способствовало ещё и то, что мы почти одногодки (Пётр старше меня на год), наши литературные вкусы и жизненные позиции во многом тоже совпадали.

Меня поражала его неистовая жажда жизни. Пётр не терпел показухи и графоманов, говорил правду, а это многим не нравилось. Я всегда думал, что людей именно такой породы Лев Гумилёв называл «пассионариями» – людьми бесстрашными, готовыми к подвигу, к поступку, к любому экстремальному случаю в жизни. Казалось, именно такие сильные мужики вместе с Ермаком покорили Сибирь! Недаром он стал первым казачьим атаманом в Сургуте. Вспоминаю Петра Суханова на праздновании его 50-летнего юбилея в Доме культуры «Строитель»: импозантного, в чёрном костюме с бабочкой. Тогда на его юбилей из Москвы приехали поэт Валерий Латынин и народный артист СССР Юрий Назаров. Пётр попросил меня прочитать что-нибудь из Рубцова, и я читал «О Поэзии». Последние строки мы скандировали вместе:

*Вот так Поэзия, она
Звонит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.
Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...*

Вспоминаю, с какой нежностью он говорил о дочерях, с каким удивлением и умилением смотрел на маленького сына Антона, как любил и жалел бездомных собак и почему-то ненавидел кошек. Ценил юмор, балагурил и часто говорил экспромтами и в рифму. Любил людей. Любил жизнь во всех её проявлениях.

В последнее лето я бывал у него дома почти каждую неделю. Он сам частенько звонил и хрипловатым голосом спрашивал: «Серый, привет! Не же-

Юрий Дворяшин, Пётр Суханов, Надежда Жукова, Нина Дворяшина, Сергей Лагереv на праздновании 60-летия Суханова. Сургут, 2007 г.

нился ещё?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «Ну и правильно! Слушай шедевр!» И читал стихи. Людям, кто мало его знал, порой казалось, что в обычной жизни Пётр слишком резок в обращении. Но это кажущаяся жёсткость была просто ширмой, ограждающей его ранимую душу от той среды, которую поэт знал не понаслышке. Кто понимал это – принимали его любимо. В разговорах со мной он часто вспоминал этих людей.

Диагноз его был известен, но Пётр никогда не говорил о болезни. В разговорах с его дочкой Снежаной мы недоумевали, понимает ли он всю серьёзность своего положения. Конечно, понимал, но принимал это по-мужски, без стонов и стенаний на судьбу. Я не слышал ни одной жалобы о том, что у него что-то болит. Только однажды он вскрикнул от боли, когда я неосторожно задел его за бок. Видно, всё тело болело, но он держался и не показывал виду. Лишь сетовал, что не может завести собачку и сходить на рыбалку. И даже в таком состоянии писал стихи! Писал до последнего, до того самого времени, пока были силы держать ручку. Я поражался ему и вспоминал строки из дневника М.М. Пришвина о поэзии: «Она рождается в простой, безобидной и не оскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей и не подозревают...» Петя отдавал мне листки с нечёткими уже строчками, дома я их перечитывал, а когда не мог разобрать почерк, то звонил ему, и он мне говорил, что там написано.

Как-то я принёс книгу краснодарского поэта Николая Зиновьева и прочёл ему несколько стихотворений. А потом читал ещё часа полтора, а Пётр иногда даже просил повторить какое-нибудь стихотворение. Редко я видел его таким взволнованным: «Слушай, какой поэт! Совсем я отстал от жизни». А потом иронично, чисто по-сухановски сказал: «Да?! Значит, есть в России и кроме меня поэты!»

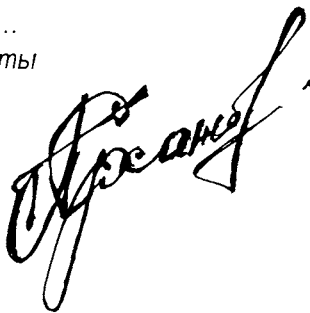
Он чувствовал свой уход. Это было видно по тому, как высосала его болезнь, по тому, как и что он говорил, писал в последнее время. Мы с Юрием Александровичем Дворяшиным были у Петра в десятых числах сентября. Провожая нас, поэт спросил профессора: «Юра! А ты придёшь ко мне на поминки?» А в разговоре со мной говорил: «Знаешь, а ведь я много прожил! Вон Есенин – всего 25 лет, Рубцов – 35, а я больше 60». Потом, помолчав, добавил: «А ведь мог и совсем не родиться?!» Этот один из последних наших разговоров помню так отчётливо, словно это было вчера. Не стало Пети – и мне очень будет не хватать его хрипловатого баритона, улыбки, случайной встречи на улице и звонков, когда на прощание он говорил: «Ну, пока, Серый! Будут деньги – заходи!»

После смерти близкого человека на душе всегда остаются боль утраты и горечь вины. Вины за то, что не смог для него что-нибудь сделать, что, может, когда-то обидел, чего-то не досказал или не понял. Прости меня, Петя!

Умер отец, оставив на земле красивых дочерей Катю и Снежану, двоих сыновей – Андрея и маленького Антона. Россия лишилась гражданина, патриота, беспредельно её боготворившего. Ушёл Поэт! Именно ушёл, потому что Пoesия не умирает...

УХОД

*Когда умирают птицы –
не клеточные, а лесные –
мне хочется помолиться
за то, чтоб летали другие.
Поможет ли это,
нет ли – история разберёт...
Быть может, вот так и поэты
уходят со смертью
в народ!..*

СЕРИЯ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Пётр СУХАНОВ

Издание подготовлено по заказу
Администрации города Сургута

Автор-составитель А. Давыдова

Ответственная за выпуск Е.А. Швидкая

Корректоры: О.Н. Черных, О.В. Шилехина

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 70×100/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 2,0. Тираж 500 экз. Заказ № 209452.

Отпечатано в типографии ООО «Омскбланкиздат»,
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34, тел. 8 (3812) 212-111

